

ЛУЧШИЕ ИСТОРИИ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ОТ АВТОРОВ, ЧЬИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СТАЛИ КУЛЬТОВОЙ КЛАССИКОЙ

Стивен Ван Дайн — псевдоним американского писателя, журналиста и критика Уилларда Хантингтона Райта. Он считается ярчайшим представителем «золотого века детектива», а его романы — весьма достойными образцами жанра. Некоторые из произведений Ван Дайна были экранизированы. Он также разработал знаменитые «20 правил для пишущих детективы». Сыщик-оригинал, нестандартно мыслящий убийца и незаурядная развязка — вот визитная карточка писателя.

Нью-Йорк охвачен паникой — ведь в городе орудует безжалостный убийца. О нем почти ничего не известно. Лишь то, что он носит прозвище «Епископ», которое сам себе присвоил, а на месте преступления оставляет послания с детскими стишками. Эти же стихи он рассылает по газетам, чтобы придать огласку своим кровавым злодеяниям. Полиция в замешательстве, а изощренные убийства следуют одно за другим. «Епископ» невероятно умен и расчетлив. Он практически неуловим. И только хладнокровный сыщик Фило Вэнс, похоже, знает, как остановить злого гения...

ISBN серии

ISBN 978-617-12-4727-7

9 786171 1247277

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5891-4

9 786171 1258914

СТИВЕН
ВАН
ДАЙН

ЗЛОЙ ГЕНИЙ
НЬЮ-ЙОРКА

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

СТИВЕН
ВАН ДАЙН

ЗЛОЙ ГЕНИЙ
НЬЮ-ЙОРКА

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

СТИВЕН ВАН ДАЙН

ЗЛОЙ ГЕНИЙ
НЬЮ-ЙОРКА

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
Д15

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:
С. Ван Дайн. Э. Квин. Злой гений Нью-Йорка. —
Х. : Печатный двор, 1994

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

ISBN 978-617-12-4727-7 (серия)
ISBN 978-617-12-5891-4
ISBN 978-147-33-0598-4 (англ.)

- © Depositphotos.com / sepavone, tija66, zim90, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

ЗЛОЙ ГЕНИЙ НЬЮ-ЙОРКА

ГЛАВА I

«Кто Кок-Робина¹ убил?..»

Суббота, 2 апреля, полдень

Из всех уголовных дел, в которых Фило Вэнс принимал участие в качестве неофициального сыщика, самыми мрачными, самыми необычными, самыми запутанными и ужасными были дела об убийствах, раскрытием которых Вэнс занимался вместе со своим другом Джоном Маркхэмом, нью-йоркским следователем. Они стали известны под общим названием «Дело Епископа». Название очень неудачное, так как в этом списке разнuzданных злодейств, вынудивших многих людей перечитать стихи из книжек для детей, не было ничего клерикального, и фамилию Бишоп² не носило ни одно лицо, хотя бы отдаленно связанное с убийствами. Но до некоторой степени название все-таки оправдывало себя, так как убийца пользовался словом «епископ» с преступными намерениями. Именно это слово и привело Вэнса к открытию невероятной истины и дало возможность положить конец ряду самых изощренных в истории криминалистики преступлений.

В прекрасный теплый весенний день, какие иногда случаются в Нью-Йорке в апреле, Фило Вэнс завтракал в садике на крыше своей квартиры на 38-й Восточной улице. Близился полдень. Вэнс работал и читал по ночам, поэтому вставал поздно. Он сидел, развалившись в удобном кресле, перед ним на низеньком столике стоял завтрак; грустными глазами смотрел он сверху на верхушки деревьев, росших на заднем дворе.

¹ Кок-Робин — детское название зяблика, лесной птички. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

² Бишоп по-английски — епископ, а также шахматная фигура — слон.

Уже много лет я был другом и юридическим советником Вэнса, кем-то вроде компаньона и управляющего финансами. Я покинул нотариальную контору своего отца «Ван Дайн, Дэвис и Ван Дайн» и посвятил себя делам Вэнса, что находил более интересным, чем сидение в душевой конторе. Хотя у меня была собственная квартира в западной части города, большую часть времени я проводил у Вэнса.

В то утро я пришел очень рано; Вэнс еще не вставал, и, просмотрев счета на первое число месяца, я лениво курил трубку, пока он завтракал.

Едва Вэнс налил себе вторую чашку кофе, как в дверях с переносным телефоном в руках появился Карри, его старый камердинер и поверенный во всех делах.

— Это звонит мистер Маркхэм, сэр, — извиняющимся тоном сказал старик. — Он требовал вас очень настойчиво, поэтому я и осмелился сообщить ему, что вы дома.

Он поставил аппарат на столик.

— Хорошо, Карри, — тихо произнес Вэнс и взял трубку. — Пусть хоть кто-нибудь нарушит эту дьявольскую скуку. — И он заговорил с Маркхэмом: — Ну что, старина, не спишь? А я ем яичницу, хочешь присоединиться? Или просто решил услышать мой голос?

Вдруг он замолчал, и с его худощавого лица исчезло шутовское выражение. Внешне Вэнс был типичным северянином: длинное лицо с резкими чертами, серые, широко расставленные глаза, узкий орлиный нос и прямой удлиненный подбородок. Красиво очерченный рот выделялся на его бледном лице. Но была в нем черта какой-то циничной жестокости, делавшая его больше похожим на обитателя средиземноморского побережья, чем севера. Лицо его, волевое и привлекательное, нельзя было назвать красивым. Это скорее лицо мыслителя, отшельника, и строгость его выражения подчас мешала Вэнсу в общении с окружающими.

Вэнс был флегматичен по природе и приучил себя к сдержанности в проявлении чувств, но в это утро я заметил, что он не в состоянии скрыть жадного интереса к тому, о чем говорилось по телефону. Лоб его наморщился. В глазах мелькнуло изумление. Время от времени он давал выход своим эмоциям любимыми восклицаниями: «изумительно!», «необычайно!», «честное слово!».

Когда через несколько минут он заговорил сам, в его речи чувствовалось странное возбуждение.

— О, конечно! — заявил он. — Это, право, безумно. Сейчас оденусь. До свидания. — Положив трубку на рычаг, он позвонил: — Поддай мне серый костюм, — приказал он Карри, — темный галстук и шляпу. — Потом он опять принялся за яичницу, а через несколько мгновений вопросительно посмотрел на меня: — Вы знаете что-нибудь о стрельбе из лука, Ван? — спросил он.

Я, конечно, не знал ничего, кроме того, что надо было пускать стрелы в мишень, о чем и сказал ему.

— Ну, вы не очень-то осведомлены. — Он лениво закурил папиросу. — Я и сам не считаю себя авторитетом в этой области, но в Оксфорде немного упражнялся в стрельбе из этого средневекового оружия. Не такая уж интересная забава, гораздо скучнее, чем гольф, и столь же сложная. — Некоторое время он мечтательно курил. — Ван, будьте добры, принесите мне том словаря, где написано о стрельбе из лука.

Я принес книгу, и почти на полчаса он погрузился в чтение раздела о стрелковых обществах, турнирах, состязаниях и знаменитых американских лучниках. Наконец он закончил и выпрямился в кресле. Очевидно, он нашел что-то смутившее его и заставившее напрячься его острый ум.

— Это просто ерунда какая-то, Ван, — промолвил он, устремив глаза в потолок. — Средневековая трагедия в современном Нью-Йорке! Клянусь Юпитером! — Он внезапно привстал. — Нет, это совершеннейший абсурд. Маркхэм сообщил мне нечто безумное, а я поддался. — Он выпил еще кофе, но по выражению его лица я видел, что он не может освободиться от своей навязчивой идеи. — Окажите еще одну услугу, Ван, — наконец произнес он. — Принесите мне немецкий словарь и собрание стихотворений Стивенсона.

Когда я принес оба тома, он посмотрел какое-то слово в словаре и отложил книгу в сторону.

— К несчастью, все именно так, хотя я заранее знал это.

Потом он отыскал в толстом томе Стивенсона раздел стихотворений для детей. Через несколько минут Вэнс закрыл эту книгу и, вытянувшись в кресле, стал пускать в потолок длинные ленты дыма.

— Это нереально, — как будто возражая самому себе, сказал он. — Слишком фантастично, что-то демоническое и совершенно извращенное... Волшебная сказка в кровавых тонах. Нечто, противоречащее разуму... Немыслимое, как черная магия или колдовство. В общем, бред сумасшедшего...

Он посмотрел на часы и вышел из комнаты, предоставив мне размышлять о причинах его необычного волнения. Трактат о стрельбе из лука, немецкий словарь, стихотворения для детей, непонятные восклицания Вэнса о безумии и фантастике — какая связь между всем этим? Я пытался подыскать объяснение, но безуспешно. Да и не удивительно, что мне это не удалось. Даже когда открылась правда, когда спустя недели были получены несомненные доказательства, нормальный человеческий ум отказывался воспринять эту правду — до того она была невероятна и омерзительна.

Вэнс вскоре прервал мои размышления. Он уже оделся для выхода на улицу и, по-видимому, нетерпеливо ожидал задерживавшегося Маркхэма.

— Мне очень хотелось чего-нибудь интересного, какого-нибудь славного, захватывающего преступления, — заметил он, — но, честное слово, я и не помышлял о таком кошмаре. Если бы я не знал так хорошо Маркхэма, то заподозрил бы, что он издевается надо мной.

Когда через несколько минут Маркхэм поднялся в садик на крыше, стало более чем ясно, что он крайне взвинчен. Выражение его лица было мрачным, обычная приветливость заменилась сухой официальностью. Маркхэм и Вэнс уже пятнадцать лет тесно дружили, хотя по природе это были антиподы: один — суровый, быстрый, смелый, прямой, тягостно серьезный; другой — позитивный, медлительный, сдержанный, ироничный, смотревший на житейские мелочи отстраненно и свысока. Они хорошо дополняли друг друга, и именно на этой основе зиждилась их неразрывная, долговременная близость.

В течение четырех лет Маркхэм служил окружным следователем Нью-Йорка, и в это время он много раз обращался к Вэнсу за советами в важнейших делах, и Вэнс ни разу не обманул доверия к своей способности правильно мыслить и схватывать все на лету. Действительно, Вэнс раскрыл большое количество крупных преступлений, случившихся за период четырехлетне-

го пребывания Маркхэма на его посту. Знание человеческой природы, большая начитанность, интеллект, острота логической мысли, чутье к скрытой под личиной истине делали Вэнса в высшей степени пригодным к работе сыщиком. Он выполнял ее неофициально, по доброй воле участвуя в уголовных делах, которые вел Маркхэм.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в «Деле Епископа» Маркхэм с самого начала обратился к Вэнсу. Я заметил, что в расследовании крупных преступлений Маркхэм особенно полагался на помощь друга. Данный случай — не исключение, потому что только благодаря опыту Вэнса и его глубокому знанию ненормальных проявлений человеческого разума нью-йоркской полиции удалось раскрыть страшный, безумный замысел и узнать, кто его спланировал и осуществил.

— Может, все это просто мистификация, — сказал Маркхэм без всякой, впрочем, убежденности. — Но я подумал, что, вероятно, ты захочешь размяться...

— О, конечно! — саркастически улыбнулся Вэнс. — Я уже соскучился по настоящему делу. Присядь на минутку и изложи мне подробно всю историю. Труп ведь не убежит. И гораздо лучше привести в порядок все нам известное, прежде чем заняться остальным. Кто является, например, сторонами в этом преступлении? И почему к следователю обратились уже через час после смерти жертвы? Все, что ты мне говорил по телефону, кажется какой-то нелепицей.

Маркхэм в раздумье сел на край стула и внимательно осматривал кончик своей сигары.

— Черт возьми, Вэнс, не делай из этого Удольфской тайны. Тут не готический роман. Преступление вполне ясное. Способ убийства, конечно, необычный, но в последнее время стрельба из лука вошла в моду. В каждом городе, в каждом колледже упражняются в этом виде спорта.

— Полностью согласен. Но Робинув убивали из лука в очень отдаленные времена.

Маркхэм прищурился и испытующе посмотрел на Вэнса.

— Тебе тоже пришло это в голову?

— А как же? Эта мысль вспыхнула в моем мозгу в ту минуту, как ты назвал имя погибшего. — Вэнс несколько раз затаился. — Кто Кок-Робина убил? При чем стрелой из лука?! Удивительно,

как стихи, заученные еще в детстве, долго держатся в памяти. Между прочим, назови мне имя мистера Робина.

— Кажется, Джозеф.

— Не слишком назидательно и невнушительно. А второе имя?

— Послушай, Вэнс, — раздраженно пробурчал Маркхэм, — какое имеет отношение к делу второе имя убитого?

— Ни малейшего. Но если уж сходить с ума, так до конца. Обрывки разума не имеют никакой цены. — Вэнс позвонил Карри и послал его за телефонной книжкой. Маркхэм запротестовал, но Вэнс сделал вид, что не слышит, и, когда книжка появилась, он несколько минут перелистывал ее страницы, пристально вглядываясь в убористые строчки. — Покойный жил на Риверсайдской аллее? — наконец спросил он, остановив палец на найденном имени.

— Похоже, что так.

— Хорошо, славно. — Вэнс закрыл книжку и устремил на окружного следователя торжествующий взор. — Маркхэм, — медленно произнес он, — в телефонном справочнике лишь один Джозеф Робин. Он живет на Риверсайдской аллее, и его второе имя — Кокрейн.

— Что за вздор? — вскинул брови Маркхэм. — Ну и пусть его зовут Кокрейн; неужели ты серьезно предполагаешь, что этот факт имеет какое-нибудь отношение к убийству?

— Честное слово, старина, я ничего не предполагаю. — Вэнс слегка пожал плечами. — Я только отмечаю, так сказать, некоторые факты в связи с этим случаем. Вот как обстоит дело: мистер Джозеф Кокрейн Робин, то есть Кок-Робин, убит стрелой из лука. Не кажется ли это даже твоему юридическому уму чертовски странным?

— Нет, — коротко бросил Маркхэм. — Имя покойного очень обыкновенное, и удивительно, что благодаря этому ренессансу стрельбы из лука не убито или не ранено множество людей в стране. Кроме того, весьма возможно, что смерть Робина — просто несчастный случай.

— Неубедительно. — Вэнс укоризненно покачал головой. — Этот факт, даже если так и произошло на самом деле, несколько не разъясняет положения, а делает его еще более странным. Из тысяч поклонников стрельбы из лука в нашей стране только один, по имени Кок-Робин, случайно убит стре-

лой. Это уже пахнет чем-то потусторонним. Тут поневоле поверишь и в привидения, и в злых духов.

— Мне, значит, надо быть медиумом, чтобы допустить возможность совпадения обстоятельств?

— Дорогой мой! Совпадения не бесконечны, но, во всяком случае, теперешнее положение несравненно сложнее, чем ты думаешь. Например, по телефону ты сообщил мне, что последний человек, видевший Робина перед его смертью, именуется Сперлингом.

— Какой же скрытый смысл заключается в данном факте?

— А ты знаешь, что значит по-немецки *Sperling*? — коротко спросил Вэнс.

— Я ведь окончил высшую школу, — надулся Маркхэм.

Вдруг глаза его широко раскрылись, и все тело напряглось. Вэнс моментально пододвинул к нему немецкий словарь.

— Не сердись, сам отыщи это слово. Мы должны быть точными. Я лично все проверил, поскольку боялся, что мое воображение слишком разыгралось, — вот мне и захотелось увидеть слово, написанным черным по белому.

Маркхэм молча раскрыл книгу и пробежал страницу глазами. Задержавшись несколько мгновений на слове, он решительно выпрямился, как будто стряхивая с себя наваждение. Затем недовольно произнес:

— *Sperling* значит воробей. Каждый школьник знает это. Я тоже это знаю. Что же из этого вытекает?

— Всё! — Вэнс медленно закурил другую папиросу. — И каждый школьник помнит наизусть стихотворение «Смерть и погребение Кок-Робина», ну так как же? — Он лукаво посмотрел на Маркхэма, на лице которого отражалось полное недоумение. — Раз уж ты стараешься показать, что тебе неизвестно это стихотворение, то разреши мне продекламировать первую строфу.

Холод, точно от присутствия какого-то невидимого призрака, пробежал по моей спине, когда Вэнс повторил с детства знакомые строки:

Кто Кок-Робина убил?

— Я, — ответил Воробей. —

Из лука я своей стрелой

Кок-Робина сразил.

ГЛАВА II

На стрельбище

Суббота, 2 апреля, 12 часов 30 минут

Маркхэм медленно перевел на Вэнса тусклый взгляд.

— Ну и что с того? — произнес он так, точно столкнулся с чем-то необъяснимым. — Какое отношение это имеет к убийству реального Джозефа Робина, не зяблика, а гражданина Америки, жителя Нью-Йорка?

— Ну-ну, — Вэнс слегка помахал рукой. — Это плагиат, я и сам так думаю. — Он старался шутливостью замаскировать собственное неведение. — Наверное, тут есть и возлюбленная, оплакивающая смерть Робина. Может, ты помнишь четверостишие?

Кто же будет горевать?
Голубка отвечала: — Я!
Погибла ведь любовь моя,
Так буду горевать...

Маркхэм нервно забарабанил пальцами по столу.

— Представь себе, Вэнс! В этом деле фигурирует молодая девушка. Очень может быть, что в основе преступления лежит ревность.

— Вот-вот, и я про то же. Боюсь, что это дело постепенно разовьется в живые картины для юного поколения. Но наша задача облегчается. Нам остается только найти муху.

— Муху?

— Ну да. Разве ты забыл продолжение стихотворения?

Кто видел, как он умирал?
Сказала Муха: — Я!
Своим малюсеньким глазком
Я видела сама.

— Ладно, хватит, спустимся на землю, — резко сказал Маркхэм. — Это ведь не детская игра. Тут все серьезно.

— Часто в жизни детская игра имеет самые серьезные последствия, — кивнул Вэнс. — А это мне не нравится, совсем не

нравится. Слишком много в этом происшествии ребячества, но свойственного ребенку, впавшему в старческий маразм, с поврежденным рассудком. Это что-то отвратительно извращенное. — Он глубоко втянул дым папиросы. — Сообщи-ка мне подробности, надо же разобраться, каково наше положение в этом опрокинутом вверх ногами мире.

— У меня немного деталей. Я уже почти все передал тебе по телефону. Перед тем как говорить с тобой, меня вызвал профессор Диллард.

— Диллард? Неужели профессор Бертран Диллард?

— Он самый. Трагедия произошла в его доме. Ты знаешь Дилларда?

— Лично не знаком, но он известен всем как величайший из живущих физиков и математиков. У меня в библиотеке собраны почти все его книги. А зачем он вызывал тебя?

— Я знаком с ним уже около двадцати лет. В Колумбийском университете я слушал у него курс математики, а позже вел кое-какие судебные иски для него. Когда нашли тело Робина, он тотчас же позвонил мне. Это было около половины двенадцатого. Я вызвал сержанта Эрнеста Хэса из бюро уголовных расследований Департамента полиции и передал ему дело, сказав при этом, что скоро приеду сам. Потом я позвонил тебе. Сержант и его сотрудники сейчас ожидают меня у Дилларда.

— А какая там домашняя атмосфера?

— Профессор покинул кафедру девять лет назад. С тех пор живет на 75-й Западной улице близ Риверсайдской аллеи. Он взял к себе пятнадцатилетнюю девочку, дочь брата. Теперь ей около двадцати пяти лет. У него также живет его протеже Сигурд Арнессон, мой давний товарищ по университету. Профессор его усыновил, когда он был еще юношей. Сейчас Арнессону около сорока лет, он преподает математику в Колумбийском университете. Его привезли трехлетним ребенком из Норвегии, а через пять лет он стал круглым сиротой. Он, выразимся так, математический гений, и, вероятно, Диллард, заметив в нем будущего математика и физика, усыновил его.

— Я слышал об Арнессоне и его последней книге. Итак, данное трио — Диллард, Арнессон и молодая девушка — живет одиноко?

— С двумя слугами. У Дилларда, по-видимому, очень приличное состояние, и наши господа совсем не одиноки. Этот дом

является святилищем для математиков, а кроме того, у молодой леди, любительницы спорта, составилось свое небольшое общество. Я несколько раз бывал там и всегда встречал гостей: то серьезных студентов в библиотеке, то шумливых юношей внизу, в гостиной.

— А Робин?

— Он принадлежал к компании Белл Диллард — так, помятый жизнью молодой человек из общества, получивший несколько призов за стрельбу из лука.

— Да, я нашел его имя в этой книге о стрельбе из лука. Он несколько раз становился победителем на соревнованиях. Я также вычитал, что мистер Сперлинг участвовал в ряде турниров. И мисс Диллард тоже стреляет из лука, притом со страстным увлечением. Она и организовала Риверсайдский стрелковый клуб. Основная арена находится в Скарсдейле, в имени мистера Сперлинга, но мисс Диллард устроила площадку для упражнений в стрельбе на боковом дворе усадьбы профессора.

— Там и был убит Робин.

— Ага! И последний, кто видел его перед смертью, мистер Сперлинг? А где же теперь наш Воробей?

— Не знаю. Перед трагедией он находился вместе с Робином, а когда нашли тело, Сперлинга уже след простыл. Вероятно, у сержанта Хэса есть какие-нибудь сведения на этот счет.

— А что по поводу ревности, о которой ты говорил? — Веки Вэнса лениво опустили, и он стал медленно, но тщательно закуривать, что случалось, когда он проявлял глубокий интерес к чему-либо.

— Профессор Диллард намекнул на привязанность Робина к его племяннице, а когда я его спросил, кто такой Сперлинг и каково его положение в доме, он сообщил, что Сперлинг также добивался руки девушки. По телефону я не вникал в подробности, но у меня осталось впечатление, что Робин и Сперлинг являлись соперниками и что Робина предпочли.

— Итак, Воробей убил Кок-Робина? — Вэнс с сомнением покачал головой. — Нет, это не подходит, слишком уж просто. Тут что-нибудь более темное и страшное. Между прочим, кто же нашел Робина?

— Сам Диллард. Он вышел на балкон на задней стороне дома и увидел, что Робин лежит на площадке со стрелой в сердце. Он тотчас же спустился с большими затруднениями, так как ста-

рик ужасно страдает от подагры, и, увидев, что Робин уже мертв, позвонил мне. Вот и все мои предварительные сведения.

— Не блестящие данные, но все-таки наводят на мысли. — Вэнс встал. — Маркхэм, старина, приготовься к чему-нибудь странному и скверному. Пока отставим случайности и совпадения. Хотя обыкновенная стрела и способна пробить одежду и грудную клетку, даже когда она пущена из лука среднего веса, но сам факт убийства, совершенного человеком по фамилии Сперлинг, другого человека, называвшегося Кокрейном Робинном, *стрелой из лука* исключает случайное совпадение обстоятельств. Действительно, невероятная цепь событий указывает на наличие задуманного с дьявольской хитростью плана. — Он направился к двери. — Давай осмотрим место преступления.

Мы поехали на автомобиле Маркхэма и через несколько минут были на 75-й Западной улице. Дом Дилларда под номером «391» находился справа от нас. Между ним и Риверсайдской аллеей возвышался громадный пятнадцатизэтажный дом. Казалось, профессорский домик приютился, как будто прося защиты, в тени этого огромного строения.

Добротный дом Дилларда был выстроен из серого, потемневшего от времени известняка. Участок, на котором стоял особняк, был по фасаду в тридцать пять футов длиной, а сам дом занимал двадцать пять футов. Остальные десять футов отделялись от пятнадцатизэтажного дома каменной стеной с широкой железной дверью посередине.

Несколько ступеней вели с улицы к узкому крыльцу, украшенному четырьмя коринфскими колоннами. Во всю ширину дома во втором этаже тянулся ряд окон с оправленными в свинец стеклами. Как я потом узнал, это были окна библиотеки. От дома веяло чем-то спокойным и старомодным; ни в коем случае нельзя было предположить, что он является местом убийства.

Два полицейских автомобиля припарковались вблизи входа, и дюжина любопытных зевак собралась на улице. Караульный стоял у одной из колонн и скучаяще смотрел на толпу.

Нас впустил пожилой дворецкий и повел в гостиную налево от передней, где мы нашли сержанта Хэса и двух сотрудников бюро уголовных расследований Департамента полиции. Сержант курил у стола, засунув большие пальцы в проймы жилета. Он выступил вперед и дружески протянул руку Маркхэму.

— Очень рад вашему приходу, сэр, — сказал он, и взгляд его холодных серых глаз как будто несколько смягчился. — Я ждал вас. В этом деле очень много непонятного. — Он увидел Вэнса, и его широкое лицо засияло добродушной улыбкой. — Какживаете, мистер Вэнс? Мне с самого начала казалось, что вас тоже вовлекут в это дело. Чем вы занимались в последние месяцы?

Между Вэнсом и сержантом давно уже установились теплые отношения, основанные на взаимном уважении и доверии друг к другу.

Вэнс протянул руку, и улыбка затеплилась в уголках его рта.

— По правде, сержант, я пытался возродить славу афинянина по имени Менандр. Глупо, не так ли?

Хэс насмешливо фыркнул.

— Ну, если уж вы в таком приподнятом настроении, так, наверное, и здесь добьетесь чего-нибудь убедительного.

В первый раз я услышал комплимент, произнесенный Хэсом. Очевидно, кроме восхищения Вэнсом он испытывал некоторое смущение перед ним.

Маркхэм почувствовал неуверенность сержанта и коротко спросил:

— Что тебя затрудняет в этом деле?

— Ничего такого, сэр, — возразил Хэс. — Справимся. Похоже, убийство этой птицы совершено по обычным стандартам, но все это, черт возьми, как-то неестественно, бессмысленно, что ли...

— Я тебя понимаю. — Маркхэм с сочувствием посмотрел на сержанта. — Ты считаешь Сперлинга виновным в преступлении?

— Конечно, он виновен, — заявил Хэс. — Но не это главное. Честно сказать, не нравится мне имя покойника, особенно потому, что убит он был стрелой из лука... — Сержант остановился, немного сконфузившись. — А вам это не кажется странным, шеф?

Маркхэм быстро кивнул.

— Ты, как я вижу, хорошо помнишь детские стихи, — произнес он и отвернулся.

Вэнс устремил на Хэса лукавый взгляд.

— Вот вы сейчас сказали «птица», сержант. Очень удачно. *Sperling* по-немецки — воробей. А ведь вы помните, что именно Воробей убил Кок-Робина стрелой...

Сержант вытаращил глаза, и губа у него отвисла. Он смотрел на Вэнса с нескрываемым изумлением.

— Я говорил, что это очень трудное дело.

Маркхэм дипломатично вмешался в беседу.

— Расскажи нам подробности, сержант. Я уверен, что ты уже допросил обитателей дома.

— Поверхностно, сэр. — Хэс присел на угол стола и закурил погасшую сигару. — Я вас ожидал, я знал, что вы знакомы со старым джентльменом, поэтому я ограничился обычным вопросом. В переулке я поставил человека, чтобы никто не касался тела, пока не приедет доктор Доремус; он прибудет сюда после завтрака. Потом я вызвал по телефону дактилоскопистов, они могут появиться тут каждую минуту, хотя я не знаю, что им здесь делать...

— А что вы, сержант, скажете о луке, из которого была выпущена смертоносная стрела? — поинтересовался Вэнс.

— Лук был бы для нас лучшей уликой, но старый мистер Диллард поднял его и принес в комнату. Его пальцы на нем, наверное, и отпечатались.

— Но что со Сперлингом? — строго спросил Маркхэм.

— Я узнал его адрес, он живет в загородном доме; я послал двух своих людей, чтобы они доставили его тотчас же, как найдут. Потом я поговорил со слугами: со стариком, впусившим вас, и с его дочерью, немолодой женщиной, работающей здесь кухаркой. Но никто из них, кажется, ничего не знает или, может, не хочет говорить. Потом я попробовал допросить барышню, хозяйку дома, но она была так подавлена горем, так плакала, что я решил предоставить вам удовольствие пообщаться с ней. Сниткин и Берк — Хэс указал пальцем на своих подчиненных у окна — обошли подвальный этаж, переулок и задний двор, но вернулись ни с чем. Вот и все, что мне известно. Когда судебно-медицинский эксперт и полицейские из бюро уголовных расследований прибудут сюда, когда я откровенно потолкую со Сперлингом, шар покатится дальше и дело сдвинется с мертвой точки.

Вэнс громко вздохнул.

— Вы ужасный сангвиник, сержант! Смотрите, не разочаруйтесь, если ваш шар окажется параллелепипедом и не захочет катиться. В этой ребячьей чепухе есть что-то дьявольски страшное, и, если предчувствие не обманывает меня, вам еще долго придется играть в жмурки.

— Да? — Хэс лукаво, но доверчиво посмотрел на Вэнса. Очевидно, он и сам был более-менее того же мнения.

— Не позволяй мистеру Вэнсу обескураживать себя, сержант, — подзадорил его Маркхэм. — Его всегда увлекает собственное воображение. — Потом с жестом нетерпения он повернулся к двери: — Отправимся лучше осмотреть местность, пока соберутся остальные. Потом я поговорю с профессором и другими членами семейства. Да, ты, сержант, не упомянул мистера Арнессона, его нет дома?

— Он в университете, но скоро вернется.

Маркхэм кивнул и пошел за Хэсом в переднюю. Когда мы ступали по мягким коврам, устилавшим проход в заднюю часть дома, на лестнице послышался шорох, и чистый, хотя и дрожащий, женский голос в полутьме спросил:

— Это вы, мистер Маркхэм? Дяде показалось, что он узнал ваш голос. Он ждет вас в библиотеке.

— Через несколько минут зайду к нему, мисс Диллард. — Тон Маркхэма был отеческий, с явной симпатией. — Пожалуйста, останьтесь и вы, я бы хотел видеть вас обоих.

Девушка прошептала «да» и исчезла наверху.

Мы пошли к задней двери. Перед нами лежал узкий проход, оканчивающийся деревянными ступеньками, ведущими в подвальный этаж. Спустившись по этим ступенькам, мы очутились в большой низкой комнате с дверью, выходившей прямо на площадку с западной стороны дома. Дверь эта была приоткрыта, а в проеме стоял полицейский из бюро уголовных расследований, поставленный там сержантом Хэсом для охраны трупы.

Комната, очевидно, когда-то служила подвалом для провизии, теперь же была переделана, выкрашена и оборудована под клубную залу. Цементный пол покрывали кокосовые циновки, одну стену целиком увешивали изображения стрелков различных эпох. В комнате стояли пианино и фонограф, множество удобных плетеных кресел, пестрый диван, посередине — громадный плетеный стол, заваленный всевозможными спортивными журналами, и небольшой книжный шкаф, заполненный книгами о стрельбе из лука. В углу размещались несколько мишеней, и их позолоченные диски и разноцветные кольца образовывали яркие световые пятна в солнечных лучах, льющихся через окна.

Часть стены возле двери была увешана длинными луками разного размера и веса, а возле них стоял большой старинный комод с инструментами. Над ним висел маленький шкафчик с разным необходимым в этом деле инвентарем вроде повязок, перчаток для стрельбы, колышков, наконечников и тетивы. На большой дубовой панели между дверью и западным окном располагались разнообразные и самые интересные, какие я когда-либо видел, коллекции стрел.

Эта панель обратила на себя особое внимание Вэнса. Он тщательно поправил, подходя к ней, свой монокль.

— Охотничьи и боевые стрелы, — заметил он. — Хороши. А одна из них куда-то исчезла. Вынута с большой поспешностью. Медная перекладина, удерживавшая ее на месте, сильно погнута.

На полу стояли несколько колчанов, наполненных стрелами для попадания в мишень. Вэнс нагнулся и, вынув одну из них, протянул ее Маркхэму.

— Не похоже на то, чтобы эта крепкая вещь могла пробить грудь человека, но на расстоянии восьми ярдов она насквозь пронзает оленя. Почему же не хватает охотничьей стрелы на панели? Очень интересно.

Маркхэм нахмурился и ничего не ответил. Я понял: он все еще цепляется за угасающую надежду, что трагедия является лишь несчастным случаем. Он безнадежно швырнул стрелу на стол и пошел к выходу.

— Посмотрим на тело и место убийства, — пробурчал он.

Когда мы вышли на теплое весеннее солнце, я почувствовал себя совершенно одиноко. Узкая вымощенная площадка напоминала каньон между двумя отвесными каменными берегами. Она была футов на пять ниже уровня улицы, на которую можно было подняться по небольшой лестнице, ведущей к воротам в стене. Ровная, лишенная окон стена многоквартирного дома, высившегося напротив, вздымалась вверх на сто пятьдесят футов; да и дом Дилларда, всего лишь четырехэтажный, по теперешним архитектурным меркам равнялся по высоте шестизэтажному зданию. Хотя мы находились под открытым небом в сердце Нью-Йорка, нас ниоткуда нельзя было увидеть, кроме как из боковых окон профессорского дома и из выступающего окна дома на 76-й улице, задний двор которого примыкал к участку Дилларда. Дом этот, как

мы вскоре узнали, принадлежал некоей миссис Друккер, и ему предстояло сыграть существенную и трагическую роль в раскрытии убийства Робина. Несколько больших деревьев замаскировали его задние окна, и только из этого выступающего окна открывался вид на ту часть площадки, где мы стояли.

Я заметил, что Вэнс все время смотрит на это окно и что, по мере того как он изучает его, по лицу моего патрона пробегают тени. Но только спустя много времени я догадался, что именно привлекало его внимание.

Стрельбище простиралось от стены участка Дилларда на 75-й улице до такой же стены участка миссис Друккер на 76-й улице. Расстояние между двумя стенами было в двести футов, что, как я узнал впоследствии, позволяло продлить стрельбище на шестьдесят ярдов, чтобы упражняться на нем в стрельбе на разные дистанции, доступные этому средневековому виду оружия.

Часть высокой проволочной решетки, разделявшей оба двора в том месте, где она пересекала стрельбище, была деформирована. В конце стрельбища с западной стороны усадьбы миссис Друккер возвышался многоквартирный дом, занимавший угол 75-й улицы и Риверсайдской аллеи. Между этими двумя домами пролегал узкий переулок, отделенный от стрельбища забором, в котором была небольшая дверь с замком.

Тело Робина находилось почти у самого входа в клубную залу. Несчастный лежал на спине, с раскинутыми руками и слегка согнутыми ногами, головой в сторону 76-й улицы. Робин был человек лет тридцати пяти, среднего роста, довольно полный, лицо у него было круглое, гладко выбритое, с узкими светлыми усами. Он был в спортивном костюме из светло-серой фланели, в голубой шелковой рубашке и в коричневых башмаках с резиновыми подошвами. Светло-серая шляпа валялась у его ног.

Возле тела собралась большая лужа темной крови, принявшая форму громадной указующей руки. Но что всех нас повергло в ужас, так это тонкая стрела, торчавшая вертикально из левой части его груди.

Стрела выдавалась дюймов на двадцать, и там, где она входила в тело, виднелось темное пятно от сгустившейся крови. Что придавало этому убийству особую нелепость — так это декоративное оперение стрелы. Перья были ярко-красного цвета, а вокруг стержня две бирюзовые полосы, украшавшие вестницу

смерти. Я сразу почувствовал какую-то искусственность этой трагедии, словно присутствовал на театральном представлении.

Вэнс стоял, засунув руки в карманы, и глядел на труп. Несмотря на кажущуюся небрежность его позы, я видел, что он напряжен и обдумывает все факты развернувшейся перед ним драмы.

— Чрезвычайно странно. Вот эта стрела, — произнес он, — предназначенная для крупной дичи, несомненно, принадлежит этнологической выставке, которую мы только что видели. И выстрел меткий, прямо в сердце без малейшего уклонения. Необыкновенно! Маркхэм, это искусство. Случайный выстрел мог, конечно, сделать то же самое, но убийца Робина исключал случайности. Эта крепкая охотничья стрела, выдернутая, очевидно, из панели, указывает на преднамеренность действий преступника. — Вэнс нагнул над телом. — А вот это интересно! Выемка на конце стрелы повреждена: стрела не могла держаться на тетиве. — Он повернулся к Хэсу. — Скажите-ка, сержант, где профессор нашел лук? Недалеко от окна клубной залы?

Хэс вздрогнул от неожиданности.

— Прямо под окном, мистер Вэнс. Теперь он лежит на фортепьяно в ожидании дактилоскопистов.

— Боюсь, что они обнаружат лишь отпечатки пальцев профессора. — Вэнс открыл портсигар и взял папиросу. — Я даже склонен думать, что и стрела совершенно чиста от следов.

Хэс пристально посмотрел на Вэнса:

— Что привело вас к мысли, что лук был найден под окном?

— Мне показалось, что это логически верное для него место в связи с положением тела мистера Робина.

— Убит в упор, вы хотите сказать?

Вэнс покачал головой:

— Нет, сержант. Я просто отметил тот факт, что ноги покойного направлены к двери в подвальный этаж и что, хотя руки убитого вытянуты, ноги согнуты. Разве так падает человек, пронзенный в сердце?

Хэс задумался.

— Нет, — сказал он. — Робин, наверно, съежился бы больше, если бы даже рухнул на спину, но ноги у него были бы выпрямлены, а руки прижаты к телу.

— Вот именно. Да посмотрите на его шляпу! Если бы он упал на спину, она лежала бы позади него, а не у ног.

— Послушай, Вэнс, — спросил Маркхэм, — что у тебя на уме?

— О, множество разных мыслей. Но все они сводятся к одной совершенно нерациональной гипотезе, что покойный джентльмен не был убит стрелой из лука.

— Так зачем же тогда...

— Совершенно правильно! — перебил Вэнс. — Зачем вся эта инсценировка? Честное слово, Маркхэм, в этом деле заключено что-то ужасное и не от мира сего.

В это время открылась подвальная дверь, и доктор Эмануил Доремус, главный судебно-медицинский эксперт Департамента полиции Нью-Йорка, в сопровождении Берка вышел на площадку. Он приветливо раскланялся и всем пожал руки, а потом с упреком посмотрел на Хэса.

— Право, сержант, — начал он жалобным тоном, — я только три часа из двадцати четырех отдаю на еду, и вы неизменно избираете один из этих часов, чтобы мучить меня трупами. Вы портите мне пищеварение. — Он лукаво улыбнулся и тихонько свистнул, увидев Робина. — Боже мой! На этот раз вы приготовили мне сюрприз — фантастическое убийство.

Он опустил на колени, и его ловкие пальцы стали быстро ощупывать тело. Маркхэм повернулся к Хэсу.

— Пока доктор занят делом, я поднимусь наверх и поболтаю с профессором Диллардом. — Затем он обратился к Доремусу: — Повидайтесь со мной перед уходом.

Доктор кивнул, но даже не поднял головы. Он положил тело на бок и стал исследовать затылок.

ГЛАВА III

Забывтое пророчество

Суббота, 2 апреля, 1 час 30 минут пополудни

В тот момент, когда мы вошли в холл, из главного полицейского управления приехали капитан Дюбуа, сыщик Беллами и дактилоскописты. Сниткин тотчас же повел их к лестнице в подвал, а Маркхэм, Вэнс и я поднялись на второй этаж.

Библиотека была большая и роскошная, по крайней мере двадцати футов длиной и во всю ширину дома. Стены ее до потолка были уставлены полками с книгами, посредине западной стены возвышался массивный бронзовый камин в старинном стиле, громадный письменный стол был завален бумагами, газетами и брошюрами. Рядом стояли широкие кресла, обитые темной кожей.

Профессор Диллард сидел за столом, одна нога его покоилась на бархатной скамеечке; в углу у окна на мягком кресле приютилась его племянница, молодая девушка с правильными чертами лица, в строгом костюме *tailleur*¹. Старик не встал нам навстречу и даже не извинился. Он считал, что мы знаем о его болезненном состоянии. Маркхэм объяснил, зачем пришли Вэнс и я, его компаньон.

— Очень сожалею, мистер Маркхэм, — заговорил профессор, когда мы все уселись, — что поводом для нашей встречи послужила трагедия, но видеть вас мне всегда приятно. Я полагаю, вы желаете допросить меня и Белл. Спрашивайте обо всем вас интересующем.

Профессор Бертран Диллард — человек лет шестидесяти с небольшим, слегка сгорбленный от сидячей жизни, чисто выбритый, с густыми седыми волосами. Его маленькие глаза смотрели на редкость пронизательно, морщины вокруг рта придавали ему суровое выражение, свойственное людям, сосредоточенным на решении трудных проблем. В чертах его лица виделся мечтатель и ученый: как известно всему миру, его дерзкие теории о пространстве и времени подтверждались новейшими научными фактами. Казалось, смерть Робина отвлекла светило науки от его абстрактных размышлений.

Маркхэм ответил не сразу, но потом заговорил с явным почтением.

— Пожалуйста, расскажите, сэр, что вам известно о происшествии, а уже потом я задам вопросы, которые сочту необходимыми.

Профессор с усилием протянул руку за старой пенковой трубкой, не спеша набил ее, зажег, раскурил и уселся поудобнее в своем кресле.

¹ Английский дамский костюм (*фр.*).

— Я уже почти все сообщил вам по телефону. Робин и Сперлинг пришли сегодня к Белл около десяти утра. Но она уже ушла играть в теннис, и они остались ждать ее внизу в гостиной. Я слышал, как они разговаривали там минут тридцать, а затем спустились в клубную комнату. Я провел больше часа за чтением, а потом, так как солнце ласково светило, решил выйти на задний балкон. Подышав свежим воздухом около пяти минут, я почему-то взглянул вниз на стрельбище и, к моему изумлению и ужасу, увидел мистера Робина, лежащего на спине со стрелой в груди. Я поспешил вниз, насколько мне позволяла подагра, и сразу понял, что бедняга мертв; я тотчас же позвонил вам. В доме не было никого, кроме Пайна, нашего дворецкого, и меня. Кухарка Бидл отправилась на рынок, Сигурд, мой приемный сын, в девять часов ушел в университет, а Белл играла в теннис. Я послал Пайна поискать Сперлинга, но того нигде не оказалось, и я опять вернулся в библиотеку и стал ждать вас. Незадолго до приезда ваших людей возвратилась Белл, а немного позже — кухарка. Сигурд придет лишь после двух часов.

— Сегодня утром здесь никого не было: ни гостей, ни посторонних?

Профессор покачал головой.

— Только Адольф Друккер. Вы, кажется, видели его тут однажды. Он живет в доме за нашим и часто заходит, обычно чтобы повидаться с Арнессоном, так как у них общие интересы. Друккер обладает истинно научным умом. Когда он узнал, что Сигурда нет дома, то посидел немного со мной, мы поговорили об экспедиции, отправляемой Королевским астрономическим обществом в Бразилию, а потом Адольф ушел домой.

— В котором часу это было?

— Около половины десятого. Друккер покинул меня незадолго до прихода Робина и Сперлинга.

— Для мистера Арнессона не совсем обычно отсутствовать утром по субботам? — спросил Вэнс.

Старый профессор проницательно взглянул на сыщика и ответил не сразу:

— Не совсем обычно, поскольку вообще-то по субботам он дома. Но сегодня утром ему надо было поискать кое-что в факкультетской библиотеке — Сигурд работает вместе со мной — для моей новой книги.

Наступило короткое молчание, затем Маркхэм произнес:

— Утром вы сказали, что Робин и Сперлинг ухаживали за мисс Диллард, добываясь ее руки.

— Дядя! — Молодая девушка выпрямилась и сердито посмотрела на старика: — Это как-то нехорошо.

— Но ведь это правда, моя милая, — почти с нежностью ответил он.

— Да, до некоторой степени так и есть, — согласилась девушка. — Но не следовало упоминать об этом. Вы знаете, дядя, да и джентльмены тоже знали, как я к ним относилась. Мы были друзьями, вот и все. Еще вчера вечером я совершенно ясно заявила им обоим, что не буду больше выслушивать их глупых признаний. Робин и Сперлинг — просто молодые люди моего круга, и вот одного из них уже нет... Бедный Кок-Робин! — со слезами в голосе воскликнула девушка.

Брови Вэнса поднялись, и он непроизвольно привстал.

— Кок-Робин?

— Да, мы его так поддразнивали, но он не любил это прозвище.

— Прозвище было неизбежно, — сочувственно заметил Вэнс. — И, право, оно очень милое. Ведь Кок-Робина, зяблика, любили все лесные птички, и все оплакивали его смерть. — Говоря это, сыщик внимательно смотрел на молодую девушку.

— Я знаю, — кивнула Белл. — Я даже однажды сказала ему это. И все любили Джозефа; его нельзя было не любить, он был такой добрый и славный.

Вэнс откинулся в кресле, а Маркхэм продолжал допрос.

— По вашим словам, профессор, вы слышали, как Робин и Сперлинг беседовали в гостиной. Вы уловили что-нибудь из их разговора?

Старик покосился на племянницу.

— Разве это имеет значение, мистер Маркхэм? — спросил он после некоторого замешательства.

— При данном положении вещей весьма существенное.

— Ну ладно. — Профессор задумчиво затянулся и выпустил густой клуб дыма. — Хотя мой ответ может произвести ложное впечатление.

— Я полагаюсь на ваше доверие, а выводы сделаю сам, — настойчиво произнес Маркхэм.

Опять наступило короткое молчание, прерванное молодой девушкой.

— Отчего же не рассказать следователю, что вы слышали, дядя? Кому это повредит?

— Я забочусь о тебе, Белл, — мягко ответил профессор, — но, может, ты и права. — Он с неудовольствием добавил: — Дело в том, что Робин и Сперлинг ссорились по поводу Белл. Я слышал немного, но понял, что каждый из них считал другого соперником.

— Нет, они не думали так, — вступилась мисс Диллард. — Они всегда друг друга не любили, между ними существовала вражда, но не я являлась ее причиной. Тут дело заключалось в их успехах в стрельбе из лука. Видите ли, Раймонд, то есть мистер Сперлинг, был лучшим стрелком, но в этом году Джозеф несколько раз побеждал его на состязаниях, и на итоговом годовом турнире его объявили чемпионом.

— И, вероятно, Сперлингу показалось, что он упал в ваших глазах, — подытожил Маркхэм.

— Какие глупости! — горячо возразила девушка.

— Я полагаю, милая, что нам надо передать этот вопрос мистеру Маркхэму, пусть разбирается, — миролюбиво произнес профессор. — Какие у вас еще вопросы?

— Я бы хотел узнать все, что вам известно о Робине и Сперлинге: кто они такие, каковы их связи и знакомства, как долго вы их знали?

— Думаю, что Белл просветит вас лучше меня. Оба молодых человека из ее компании. Я лишь случайно встречал их.

Маркхэм вопросительно взглянул на девушку.

— Я знаю их несколько лет, — быстро заговорила она. — Джозеф был лет на восемь-десять старше Раймонда и жил в Англии, пока не умерли его родители, — это произошло пять лет назад. Тогда он переехал в Америку и снял квартиру на Риверсайдской аллее. У него имелось достаточно денег, и он жил без дела, увлекаясь рыбной ловлей, охотой и другими видами спорта. Он появлялся в обществе, но редко, и был хорошим другом, всегда готовым заменить отсутствующего гостя за обедом и войти четвертым в бридж...

Она остановилась, точно ее сведения были оскорбительны для памяти погибшего, и Маркхэм, поняв ее чувства, просто спросил:

— А Сперлинг?

— Он сын богатого фабриканта, отошедшего от дел. Живет в шикарном загородном доме. Там наше основное стрельбище, а Раймонд — инженер-консультант в какой-то фирме, но, я думаю, он служит только ради удовольствия своего отца, потому что в конторе бывает раза два-три в неделю. Он окончил Бостонский политехнический университет, а я познакомилась с ним, когда он был первокурсником и приезжал домой на каникулы. Раймонд, конечно, не перевернет вселенной, но он представляет лучший тип американской молодежи: искренний, веселый, немного застенчивый и совершенно прямодушный.

Из описания молодой девушки легко было представить себе Робина и Сперлинга и трудно связать кого-нибудь из них с мрачной трагедией, приведшей нас сегодня в этот дом.

Маркхэм с минуту сидел нахмурившись. Наконец он поднял голову и обратился к Белл.

— Скажите, мисс Диллард, нет ли у вас какой-либо версии, объясняющей смерть Робина?

— Нет, — сорвалось с ее губ. — Кому понадобилось убивать Кок-Робина? У него во всем мире не было ни одного врага. Все это совершенно невероятно. Я не поверила случившемуся, пока не убедилась лично. Даже и теперь все кажется мне иллюзорным.

— Но все-таки, милое дитя, — вмешался профессор, — он убит. Значит, было что-то в его жизни, чего ты не знала и не подозревала. Мы постоянно открываем новые звезды, в существование которых не верили прежние астрономы.

— Не представляю себе, что Джозефа кто-то ненавидел, — настаивала она. — Никогда не поверю, это какая-то бессмыслица.

— Вы полагаете, — осторожно уточнил Маркхэм, — что мистер Сперлинг ни в коем случае не причастен к смерти Робина?

— Такое просто немыслимо! — обиделась девушка. — Раймонд не убийца, а приличный человек из хорошей семьи.

— А знаете ли вы, мисс Диллард, — вкрадчиво промолвил Вэнс, — что *sperling* значит воробей?

Девушка сидела неподвижно. Лицо ее побледнело, а руки сжали подлокотники кресла. Потом медленно, как будто с усилием, она кивнула, и тяжелый вздох поднял ее грудь. Вдруг она вздрогнула и прижала к лицу носовой платок.

— Я боюсь, — прошептала она. — Все это как-то странно...
Вэнс встал, подошел к ней и ласково погладил по плечу.

— Что именно?

Она подняла голову, и глаза их встретились. Казалось, взгляд сыщика успокоил ее, и она с трудом улыбнулась.

— Накануне, — начала она напряженным тоном, — мы все были внизу на стрельбище. Раймонд собирался выстрелить, как вдруг отворилась дверь, и на площадку вышел Робин. Конечно, опасности не было, но Сигурд, то есть мистер Арнессон, смотрел на нас с заднего балкона. Когда я в шутку крикнула Джозефу «ай-ай», Сигурд наклонился к нам и сказал: «Вы не знаете, молодой человек, какой опасности подвергаетесь. Вы — Кок-Робин, а этот стрелок — Воробей. Помните, что случилось с вашим тезкой, когда Воробей выпустил стрелу из лука?» В то время никто не обратил внимания на эти слова. А теперь... — Ее голос понизился до шепота.

— Перестань, Белл, не поддавайся тоске, — спокойно, но внушительно произнес профессор. — Просто это была одна из нелепых шуток Сигурда. Он ведь постоянно смеется и подкальывает — это естественное желание отдохнуть от напряженной работы мозга.

— Я тоже так считаю, — ответила девушка. — Конечно, это была шутка. Однако теперь она кажется каким-то страшным пророчеством. Только, — прибавила она, — Раймонд не способен на убийство. — Во время этой речи внезапно отворилась дверь, и на пороге появилась высокая худощавая фигура. — Сигурд, наконец-то! — воскликнула Белл Диллард с неподдельным облегчением.

Сигурд Арнессон, ученик профессора Дилларда и его приемный сын, имел яркую внешность: ростом выше шести футов, прямой и гибкий, с непослушными светлыми волосами, орлиным носом и лукавым выражением серо-синих глаз, отражавших напряженную работу мысли, — облик, исключавший всякий намек на поверхностность характера. Я сразу почувствовал расположение и уважение к нему. В этом человеке таились могущественные возможности и богатейшая одаренность.

Войдя в комнату, он сразу охватил нас быстрым, испытующим взглядом, кивнул мисс Диллард и посмотрел на профессора.

— Скажите, пожалуйста, что случилось? Повозки и толпа на улице, страж у входа. Мне удалось проскользнуть мимо цер-

бера, и Пайн впустил меня, а потом два человека в штатском потащили меня без церемоний наверх. Забавно, но неловко. А здесь, кажется, следовательно. Здравствуйте, мистер Маркхэм.

Не дав сыщику ответить на приветствие, Белл Диллард объявила:

— Сигурд, пожалуйста, будь серьезен. Мистер Робин убит.

— Кок-Робин? Так чего же мог ожидать несчастный с таким именем? — Кажалось, это известие несколько не тронуло Арнессона. — И кто отправил его к праотцам?

— Кто это сделал, мы не знаем, — ответил Маркхэм с упреком в голосе. — Но мистер Робин был убит стрелой, пронзившей ему сердце.

— Очень подходящая смерть. — Арнессон сел на подлокотник кресла и вытянул свои длинные ноги. — Так естественно, что Кок-Робин убит стрелой из лука.

— Сигурд! — прервала его Белл. — Довольно ерничать. Ты знаешь, что Раймонд не мог такого натворить.

— Конечно, сестричка. — Арнессон пристально посмотрел на нее. — Я имею в виду орнитологического предка мистера Робина. — Он медленно повернулся к Маркхэму. — Так здесь действительно произошло таинственное убийство, с трупом, нитями преступления и прочей атрибутикой? Можете посвятить меня в суть событий?

Маркхэм вкратце обрисовал ему создавшееся положение, и математик выслушал с живым интересом. Когда отчет был окончен, он спросил:

— А лук не нашли на стрельбище?

— Ах! — заговорил Вэнс в первый раз после прихода Арнессона, как будто пробуждаясь от сна, и ответил за Маркхэма: — Очень дельный вопрос. Да, лук обнаружен как раз под окном клубной комнаты, меньше чем в десяти футах от трупа.

— Это, наверно, упрощает дело, — несколько разочарованно произнес Арнессон. — Остается только снять отпечатки пальцев.

— К несчастью, лук брали в руки, — объяснил Маркхэм. — Профессор Диллард поднял его и принес домой.

Арнессон с любопытством повернулся к старику:

— Чем вы руководствовались, сэр?

— Дорогой Сигурд, какие руководства? Я не анализировал своих чувств и эмоций. Мне пришло в голову, что лук — важная

улика, вот я и отнес его в подвал. В качестве меры предосторожности до прихода полиции.

Арнессон сделал гримасу и подмигнул:

— Хотел бы я знать, какая подсознательная идея блуждала в вашем уме.

В дверь постучали, и Берк просунул голову в библиотеку.

— Доктор Доремус ждет вас внизу, мистер Маркхэм. Он закончил освидетельствовать труп.

Маркхэм встал и извинился.

— Не буду вас больше беспокоить. Мне предстоит долгая работа. Но я попрошу вас некоторое время оставаться наверху. Я увижусь с вами перед уходом.

Доремус нетерпеливо вышагивал туда-сюда, когда Маркхэм зашел в гостиную.

— Ничего сложного, — начал он, не давая Маркхэму возможности вставить даже слово. — Наш спортивный приятель убит стрелой с очень острым наконечником, проникнувшей в сердце через четвертое междуреберное пространство. Сильное кровоизлияние, внутреннее и наружное. Смерть наступила часа два назад, приблизительно в половине двенадцатого. Конечно, это только гипотеза. Признаков борьбы я не обнаружил. Смерть застигла жертву внезапно. На том месте, где голова при падении тела ударилась о твердый цемент, у погибшего вскочила большая шишка.

— Это весьма любопытно. — Тягучий голос Вэнса врезался в стакато доктора. — Серьезный был удар?

Врач с удивлением посмотрел на сыщика.

— Достаточно серьезный, чтобы проломить череп. В затылочной части видна кровяная опухоль. Засохшая кровь в ноздрях и ушах, зрачки разной величины — все это указывает на пролом черепа. После вскрытия узнаю подробнее. — Он повернулся к следователю: — Есть еще вопросы?

— Пока нет. Только представьте поскорее протокол вскрытия.

— Вы получите его вечером. Сержант уже позвонил, чтобы прислали повозку.

И, пожав всем руки, Доремус торопливо ушел. Хэс стоял позади.

— Осмотр ничего особенного не дал, — пожаловался он, покусывая кончик сигары.

— Не падайте духом, сержант, — подбодрил его Вэнс. — Этот удар по затылку заслуживает самого пристального внимания. Я полагаю, что он не является только следствием падения.

Замечание произвело на сержанта заметное впечатление.

— Кроме того, мистер Маркхэм, — сказал он, — не было отпечатков пальцев ни на луке, ни на стреле. Дюбуа говорит, что их начисто вытерли. Есть пятнышко только на том конце лука, за который его поднял профессор. Больше никаких следов.

Несколько мгновений Маркхэм курил в мрачном молчании.

— А скобка ворот, ведущих на улицу, ручка двери в переулок между двумя домами?

— Ничего, — фыркнул Хэс. — Обе из грубого ржавого железа, на котором не остается отпечатков.

— Маркхэм, — вступился Вэнс, — в этом деле вы идете по ложному пути. Конечно, не будет никаких отпечатков. Кто поставит театральную пьесу и бросит на виду у публики все подпорки? Нам интересно узнать, почему этот режиссер пустился на такие эффекты?

— Не так-то это легко, мистер Вэнс, — вздохнул Хэс.

— А разве я говорю, что легко? Нет, сержант, это чертовски трудно. И даже хуже, чем трудно, — это хитро, темно... здесь есть что-то от лукавого.

ГЛАВА IV

Таинственная записка

Суббота, 2 апреля, 2 часа пополудни

Маркхэм решительно уселся у большого стола посреди комнаты и распорядился:

— Надо вызвать прислугу, сержант.

Хэс выскочил в переднюю и отдал приказ одному из своих людей. Через несколько минут высокий хмурый человек как-то развинченно, точно на шарнирах, вошел и остановился на пороге в почтительном ожидании.

— Это дворецкий, сэр, — объяснил сержант. — Его фамилия Пайн.

Маркхэм внимательно рассмотрел мажордома. Ему было около шестидесяти лет; голова его отличалась неправильной формой, руки и ноги были велики и несуразны. Одежда была аккуратно выглажена, но сидела на нем мешковато, высокий крахмальный воротничок казался слишком широким. Глаза под седыми густыми бровями были бледно-водянистого цвета, рот выглядел на одутловатом нездоровом лице какой-то некрасивой щелью. Несмотря на полное отсутствие внешней привлекательности, слуга производил впечатление ловкого и смышленного человека.

— Вы дворецкий профессора Дилларда? — спросил Маркхэм. — Как давно вы служите в этом доме?

— Уже десять лет, сэр.

— Значит, вы поступили сразу после того, как профессор оставил кафедру в университете?

— Думаю, что так, сэр, — низким звучным голосом пробасил Пайн.

— Что вам известно о трагедии, разыгравшейся сегодня утром?

Хотя Маркхэм задал этот вопрос внезапно, надеясь, вероятно, чего-нибудь добиться таким приемом, Пайн выслушал следователя с завидным спокойствием.

— Ничего, сэр. Я и не подозревал о случившемся, пока меня не позвал профессор Диллард из библиотеки и не велел поискать мистера Сперлинга.

— Значит, ваш хозяин сообщил вам о трагедии?

— Он сказал: «Мистер Робин убит, найдите мистера Сперлинга». И больше ничего, сэр.

— Вы уверены, что он употребил слово «убит»? — вмешался Вэнс.

Сначала дворецкий замешкался, но быстро овладел собой и с хитрецей произнес:

— Да, уверен. «Убит» — именно так он выразился.

— А вы видели тело мистера Робина во время поисков? — продолжал Вэнс, рассматривая какой-то рисунок на стене.

Пайн опять ответил не сразу.

— Да, сэр. Я отворил дверь из подвала, чтобы осмотреть стрельбище, и заметил бедного господина...

— Вас это, конечно, поразило, — сухо заметил Вэнс. — Может, вы случайно прикоснулись к телу, или к стреле, или к луку?

СОДЕРЖАНИЕ

Злой гений Нью-Йорка

Перевод с англ. 5

Глава I. «Кто Кок-Робина убил?...» 5

Глава II. На стрельбище..... 12

Глава III. Забытое пророчество 22

Глава IV. Таинственная записка..... 31

Глава V. Женский крик 41

Глава VI. «“Я”, — ответил Воробей...» 49

Глава VII. Вэнс делает заключение 58

Глава VIII. Второй акт..... 66

Глава IX. Математическая формула..... 71

Глава X. Отказ в помощи 76

Глава XI. Украденный револьвер 83

Глава XII. Ночное посещение 91

Глава XIII. Под знаком Епископа..... 100

Глава XIV. Игра в шахматы..... 107

Глава XV. Беседа с мистером Парди 113

Глава XVI. Третий акт 120

Глава XVII. Свет, горевший всю ночь 125

Глава XVIII. Стена в парке..... 130

Глава XIX. Красная книжка..... 137

Глава XX. Немезида 142

Глава XXI. Математика и убийство..... 147

Глава XXII. Карточный дом 149

Глава XXIII. Поразительное открытие 156

Глава XXIV. Последний акт..... 162

Глава XXV. Занавес падает 166

Глава XXVI. Разъяснения Вэнса 172

Дело о драконе-убийце

Перевод с англ. 177

Глава 1. Трагедия	177
Глава 2. Поразительное обвинение.....	184
Глава 3. Плеск в пруду	193
Глава 4. Заминка.....	199
Глава 5. Водяное чудовище	206
Глава 6. Непредвиденное осложнение	214
Глава 7. Дно пруда.....	222
Глава 8. Таинственные следы.....	229
Глава 9. Новое открытие.....	237
Глава 10. Исчезнувший человек	243
Глава 11. Зловещее пророчество	251
Глава 12. Допросы	258
Глава 13. Три женщины	264
Глава 14. Неожиданное развитие	270
Глава 15. Шум в ночи.....	273
Глава 16. Кровь и гардения	280
Глава 17. Двойная смерть	287
Глава 18. Повышение образования	292
Глава 19. Следы дракона.....	298
Глава 20. Последнее звено.....	304
Глава 21. Конец дела.....	310

Літературно-художнє видання

Серія «Золоте століття детектива»

ДАЙН Стівен Ван
Злий геній Нью-Йорка
(російською мовою)
Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Т. О. Небесна*
Редактор *О. А. Дидикина*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Комп'ютерна верстка *Є. М. Фоминої*
Коректор *О. А. Степанова*

Підписано до друку 12.11.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literatrua». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 5500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Золотой век детектива»

ДАЙН Стівен Ван
Злой геній Нью-Йорка
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Т. А. Небесная*
Редактор *О. А. Дыдыкина*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Компьютерная верстка *Е. М. Фоминой*
Корректор *О. А. Степанова*

Подписано в печать 12.11.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literatrua». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 5500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000. 61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Нью-Йорк охопленный паникою, адже на вулицях міста орудує безжалюбний убивця. Про нього майже нічого не відомо. Лише те, що він носить прізвисько «Єпископ», яке вигадав сам, а на місці злочину залишає послання з дитячими віршами. Ці ж віршики він розсилає по газетах, аби надати розголосу своїм кривавим злочинам. Поліція розгублена, а химерні вбивства не припиняються. «Єпископ» неймовірно розумний і спритний. Він практично невловний. І тільки холоднокровний детектив Філо Венс, схоже, знає, як зупинити злого генія...

Дайн С. В.

Д15 Злой гений Нью-Йорка / Стивен Ван Дайн. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 320 с. — (Серия «Золотой век детектива», ISBN 978-617-12-4727-7)

ISBN 978-617-12-5891-4

ISBN 978-147-33-0598-4 (англ.)

Нью-Йорк охвачен паникой — ведь в городе орудует безжалостный убийца. О нем почти ничего не известно. Лишь то, что он носит прозвище «Епископ», которое сам себе присвоил, а на месте преступления оставляет послания с детскими стишками. Эти же стихи он рассылает по газетам, чтобы придать огласку своим кровавым злодеяниям. Полиция в замешательстве, а изощренные убийства следуют одно за другим. «Епископ» неизменно умен и расчетлив. Он практически неуловим. И только хладнокровный сыщик Фило Вэнс, похоже, знает, как остановить злого гения...

УДК 821.111(73)